

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ НА СТАТЬЮ

„О ВѢРОЯТНЫХЪ ПЕРЕМѢНАХЪ ВЪ ТАКТИКѢ“.

Въ 11-й и 12-й книжкахъ „Военнаго Сборника“ за прошлый 1867 годъ была помѣщена статья г. Драгомирова „О вѣроятныхъ перемѣнахъ въ тактикѣ“.

Важность предмета, живость, сила и глубина мысли, дающія себя чувствовать на каждой страницѣ статьи, обратили на нее большое вниманіе военной публики и вызвали болѣе или менѣе горячую полемику. Пользуясь общимъ приглашеніемъ редакціи высказаться по затронутымъ вопросамъ, представляемъ вниманію читателей нѣсколько замѣтокъ: не изъ желанія полемизировать написаны онѣ; мы имѣли въ виду единственно пользу дѣла и потому касаемся лишь тѣхъ вопросовъ, которые казались намъ наиболѣе важными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наименѣе разработанными.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы стоимъ за, а въ другихъ *противъ* изложеннаго г. Драгомировымъ; большихъ цитатъ не дѣлаемъ, полагая, что разсматриваемая статья хорошо знакома читателямъ „Сборника“, но для удобства изложенія придерживаемся принятаго авторомъ раздѣленія на главы.

Въ главахъ VI и XI мы коснемся „связныхъ атакъ“ и „независимости нумеровъ“ или перестановокъ частей (инверсій).

Начнемъ съ того, что напомнимъ одинъ глубоко-замѣчательный и весьма поучительный фактъ о значеніи вполне рациональнаго способа обученія войскъ въ мирное время—фактъ, къ сожалѣнію, почти забытый.

Одинъ изъ военныхъ писателей самъ видѣлъ, какъ, послѣ тридцати-трехлѣтняго мира, солдаты въ дѣйствительномъ бою занимали строенія такъ же, какъ и на маневрахъ, т. е. *снаружи* (*).

Фактъ этотъ, къ которому весьма нетрудно прискаты еще до десятка созвучныхъ, даетъ право на положительный выводъ, что войскъ никогда не слѣдуетъ учить *примѣрла*, а непремѣнно такъ, какъ выражается г. Драгомировъ, „*чтобы солдата изъ самаго хода обученія могъ понять, что онъ дѣлать въ бою долженъ*“.

Но сознать широкую, общую истину—одно, а прослѣдить ее во всѣхъ развѣтвленіяхъ, во всѣхъ логическихъ слѣдствіяхъ—другое. Весьма нерѣдко случается, что, при самыхъ вѣрныхъ основаніяхъ, человекъ все-таки впадаетъ въ ошибки, когда приходится имѣть дѣло съ подробностями и особенно съ приложеніемъ *начала* къ практикѣ.

Это-то, какъ намъ кажется, и случилось съ уважаемымъ нами авторомъ относительно *суворовскихъ скавозныхъ атакъ*.

„Привычка—вторая натура“, и кто поручится, что кавалерія, привыкшая *проскакивать* съвозъ пѣхоту *не рубя и не доканчивая*, не повторитъ того же самаго въ дѣлѣ, какъ это и теперь случается нерѣдко и извѣстно подъ именемъ *замокъ*.

Что касается до того, чтобы приучить солдата къ виду несущейся на него кавалеріи, къ направленнымъ въ него штыкамъ или пикамъ, то мы считаемъ за лучшее средство рачіональное фехтованіе, въ особенности между двумя родами оружія, пѣхотой и кавалеріей.

Намъ кажется, что вмѣстѣ съ духомъ суворовской педагогики, духомъ глубокимъ и плодотворнымъ, авторъ не совсѣмъ удачно усвоилъ и рассматриваемую форму. При Суворовѣ фехтованію не обучали, войска его были войсками боевыми, свыкшимися съ пороховъ и потому для нихъ это служило только возбужденіемъ фантазіи, воскрешеніемъ въ памяти каждаго солдата того, какъ выразился поэтъ, „*боеваго упоенія*“, которое большинству людей было чувствомъ близко знакомымъ, не разъ извѣданнымъ на опытѣ....

Кромѣ обученія въ одиночку, атака противъ видимыхъ цѣ-

(*) См. „Военный Журналъ“ 1858 г., № 2, отд. I, стр. 230.

лей и даже противъ чучель, какъ дѣлывалъ Суворовъ, иногда даже *накамуль боя*, была бы достаточна и приучала бы войска инстинктивно *наследать* на противника, не давая ему опомниться.

Единственнымъ оправданіемъ севозныхъ атакъ въ наше время могли бы служить: усвоеніе людьми привычки къ встрѣчѣ *неожиданнымъ залпомъ*, если бы только можно было добиться этой *привычки*, что, вообще говоря, слишкомъ сомнительно, потому что вліяніе неожиданностей подобнаго рода основывается на коренномъ свойствѣ нервъ и мозга, слѣдовательно, привычка едва-ли можетъ имѣть мѣсто въ настоящемъ случаѣ.

Намъ могутъ возразить, что при рациональномъ веденіи дѣла, при отсутствіи *известнаго рода увлеченій*, севозныя атаки не принесутъ зла; но, какъ мы видѣли, это еще не доказано; а что касается до увлеченій, то исторія военной педагогики слишкомъ краснорѣчиво убѣждаетъ, что избѣжать ихъ невозможно. Поэтому-то, намъ кажется, было бы гораздо рациональнѣе выбросить изъ круга упражненій приемъ чисто *примѣрный*, какъ такую форму, гдѣ человекъ не дѣлаетъ всѣхъ тѣхъ движеній, которыя будетъ и долженъ дѣлать въ бою.

Здѣсь будетъ умѣстно упомянуть, объ одномъ изъ основаній педагогики, совершенно упущенномъ практикою. Обучение должно согласоваться строго съ предварительною подготовкою ученика и неуклонно идти отъ известнаго къ неизвѣстному. Объяснимся примѣромъ. Пусть имѣемъ двухъ рекрутъ, изъ которыхъ одинъ былъ прежде ружейнымъ охотникомъ, другой земледѣльцемъ. Съ точки зрѣнія вышеприведеннаго правила слѣдовало бы одного знакомить прямо со штыкомъ и *со строемъ*, другаго же начать учить *со стрѣльбы*; а это потому, что первый и безъ того знаетъ всю, такъ сказать, начальную азбуку стрѣльбы и отлично понимаетъ *для чего дано ему ружье*; втораго же нужно выучить этой азбуки и „самыми *хорошими* обученія“ *показать* назначеніе ружья въ рукахъ солдата. Между тѣмъ въ практикѣ обоихъ рекрутъ подведутъ подъ одинъ ворсъ, какъ будто оба они въ равной степени *неучи*. По нашему мнѣнію, порядокъ обученія, т. е. представленіе обучающему откуды не должно быть помѣщено въ „Уставѣ“, гдѣ изложено что и какъ долженъ знать рекрутъ, т. е. *чему* его должно учить. *Какъ* учить—это зависитъ отъ

весьма многихъ условій и можетъ быть изложено только въ инструкціи, не обязывающей порядкомъ, но разъясняющей *духъ обученія* и характеръ приемовъ, которыя должны быть употреблены. Намъ кажется, что единственно что можетъ быть оговорено къ непремѣнному исполненію, это общій срокъ ученія.

Не будемъ вдаваться въ подробности и излагать всѣ выгоды и преимущества такихъ мѣропріятій, а, ограничиваясь однимъ указаніемъ, перейдемъ къ другому важному вопросу устава, разсматриваемому г. Драгомировымъ, „къ независимости нумеровъ“ или къ такъ называемымъ *инверсіямъ*.

Какъ ни просто и естественно кажется это дѣло, какъ ни важны ожидаемые отъ примѣненія его къ обученію плоды, но есть люди, вѣрнѣе масса людей, которые не могутъ освоиться съ инверсіями и почитаютъ ихъ вреднымъ „*нововведеніемъ*“. И замѣчательно: взглядъ этотъ существуетъ 96 лѣтъ.

Еще Гиберъ (Guibert) въ своемъ „*Essai général de tactique*“ обратилъ вниманіе на то, какую важность для тактической удобоподвижности войскъ имѣло бы освобожденіе ихъ отъ педантическихъ оковъ „*порядка нумеровъ*“, но книгу Гиберга постигла печальная участь: она была запрещена и конфискована въ 1772 году (*). Какъ кажется, Гиберъ, *наученный* опытомъ, отказался быть настойчивымъ въ практическомъ примѣненіи своей свѣтлой мысли; по крайней мѣрѣ, уставъ 1791 года, душею котораго былъ самъ же Гиберъ, не упоминаетъ ни однимъ намекомъ объ этомъ.

Такъ дѣло и осталось на страницахъ военно-литературныхъ изданій. Исключеніе, да и то безъ всякихъ серьезныхъ послѣдствій, представляетъ Испанія.

Въ „*Revista militar*“ за іюнь 1850 года, въ статьѣ „*O reformaхъ въ тактикѣ пѣхоты*“ помѣщено подробное разсмотрѣніе инверсій. Авторъ основывается на томъ фактѣ, что въ испанской кавалеріи система инверсій *была уже примѣнена съ успѣхомъ* и приводитъ рядъ ученій *кавалерійской дивизіи* въ 3.000 человекъ, которая исполняла всякаго рода инверсіи *безъ замѣшательства и остановокъ*. Заслуга этого нововведенія приписывается, между прочимъ, *генералу Конча* (José de Concha).

Нѣмецкій переводъ вышеупомянутой статьи, съ приложеніемъ плановъ, находится въ „*Zeitschrift für Kunst, Wissenschaft und Geschichte des Krieges*“. Jahrgang. 1850. Heft VI.

(*) Бокль. *Исторія цивилизаціи*. Изд. Тиблена, т. I, ч. II, стр. 554.

Вопросъ объ инверсіяхъ у насъ только что затронуть; въ интересахъ его разработки мы полагаемъ, что ознакомиться съ упомянутой статьею было бы дѣломъ далеко небезполезнымъ: рядъ описанныхъ тамъ опытовъ слишкомъ поучителенъ и доказателенъ.

Глава VIII статьи г. Драгомирова посвящена кавалеріи. Рассмотрѣвъ нравственную сторону передѣлокъ ея съ пѣхотою и идя въ то же время отъ положенія, что *кавалерія есть оружіе минуты*, т. е. удачно выбранныхъ мгновений, авторъ приходитъ къ убѣжденію, что *усовершенствованіе отнестрѣльнаго оружія не умаляетъ значенія кавалеріи, но вызываетъ въ ней необходимость возможнаго развитія боевыхъ свойствъ, ей присущихъ*.

Совершенно соглашаемся съ тѣмъ, что взглядъ этотъ несравненно выше взгляда діаметрально ему прогивоположнаго, утверждающаго, что кавалерія потеряла *всякое значеніе*; но не можемъ не указать на нѣсколько ошибокъ въ аргументаціи, ускользнувшихъ отъ внимательнаго автора, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ не могъ бы *никоимъ образомъ* придти къ такому крайнему заключенію, несогласному съ истиной.

Огнестрѣльное оружіе совершенствуясь измѣняетъ строй войскъ и подробности маневрированія, увеличивая дистанціи между противными сторонами; все это не можетъ не имѣть вліянія на значеніе кавалеріи, какъ, между прочимъ, доказываетъ осязательно и военная исторія. Оставляя ее въ покоѣ, поставимъ нѣсколько простыхъ практическихъ вопросовъ:

1) Положимъ, напримѣръ, баталіонъ или рота приведены въ разстройство—моментъ удобный для дѣйствія кавалеріи; но спрашивается: которая часть устроится быстрее? конечно рота. А такъ какъ теперь чаще на поляхъ сраженій будутъ дѣйствовать мелкими частями, то естественно отсюда должно возникнуть уменьшеніе числа удобныхъ моментовъ, которыми кавалерія успѣетъ воспользоваться.

2) Къ тому же результату приведетъ и вопросъ: какая кавалерія чаще можетъ пользоваться моментами? ближе или дальше расположенная?

3) Когда есть болѣе вѣроятности нравственно поколебать кавалерію: при стрѣльбѣ болѣе мѣткой или обратно?

Прибавимъ, что количество удобныхъ моментовъ для дѣй-

ствія кавалеріи противъ пѣхоты уменьшится еще въ болѣе значительной степени, если только согласится разстаться съ каре, построеніе которыхъ, вообще говоря, *сложно даже и для мирныхъ ученій*. Въ нашу, впрочемъ относительно небольшою, служебную практику мы не встрѣчали ни одного офицера, путающагося на построеніи и дешифрованіи колоннъ; за то построенія и перестроенія каре почти никогда не обходились безъ замѣшательствъ или ошибокъ, незамѣтныхъ иногда даже и очень опытному глазу, но тѣмъ не менѣе существующихъ и наглядно удостовѣряющихъ, что и въ бою безъ нихъ не обходятся.

Войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

Каре форма чисто фортификаціонная, мертвая, гдѣ нѣтъ и помину о коренныхъ свойствахъ человѣческой природы (*). Не станемъ слѣдить за ихъ исторіей, но замѣтимъ въ ней двѣ характерныхъ черты: 1) стремленіе къ уменьшенію числа людей по фронту и 2) къ увеличенію густоты фасовъ, о чемъ въ послѣднее время такъ много спорили.

Если, опять помимо мелочныхъ подробностей, зададимся найти коренную причину указанныхъ явленій, то на это ближе всего укажетъ разсмотрѣніе того, что дѣлается съ каре въ бою. Общія соображенія по этому предмету были уже высказаны г. Драгомировымъ; не повторяя сказаннаго имъ, приведемъ слѣдующій весьма рельефный очеркъ одного *очень опытнаго и бывалаго* пѣхотнаго генерала—фонъ-Брандта.

Въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи „Unterricht in der höhern Kriegskunst“ онъ говоритъ слѣдующее: „Весьма вѣрно сравнивали древніе атаку кавалеріи съ ревомъ вихря. Кто когда-либо находился въ каре пѣхоты, тотъ найдетъ, что сравненіе это очень удачно. Уже одинъ видъ волны всадниковъ, колеблющейся вдали, въ пороховомъ дымѣ, невыразимо охватываетъ воображеніе. *Люди въ каре ближе тѣснятся другъ къ другу до тѣхъ поръ, пока вся масса, какъ бы застывши, получаетъ извѣстную степень неподвижности*“.

Докончимъ рассказъ со словъ другаго, тоже бывалаго чело-

(*) Замѣчательное мѣсто о несообразностяхъ разныхъ видовъ каре есть у Пеница: „Начиная..... и до bataillon octogone маршала Пюссетора или до carré oblique генерала Пелэ было изобрѣтено столько формъ для расположенія противъ кавалеріи, сколько существуетъ удоботримлимыѣ къ семи геометрическимъ фигурамъ; пользы ихъ мы изслѣдовать не будемъ.... См. „Тактика“. Спб., 1861 г., стр. 287.

вѣна: „.....часть людей, потрусивше *осаживаетъ*, другіе смыкаются, *фасы наступаютъ*..... раздается залпъ, которому суждено рѣшить дѣло.....“

Отсюда ясно желаніе стать погуще, потѣснѣе, съжаться, такъ сказать; слѣдовательно, чѣмъ длиннѣе и тоньше фась, тѣмъ больше въ немъ *колебанія, неустойчивости, значить силы*, и наоборотъ. Понятно также, что плотно-сминутая колонна, боковые ряды которой и хвостъ повернутся куда и когда нужно, представить самый надежный и наиболѣе соответствующій строй для встрѣчи кавалеріи; между тѣмъ, „Уставъ“ избавился бы отъ лишней, и притомъ еще сложной, формы, для построенія которой нужно гораздо болѣе времени, нежели для того, чтобы сомкнуть колонну.

.... „Внутреннее пространство“.... возразятъ намъ.... Но въ ротныхъ колоннахъ, при наличномъ составѣ ротъ въ военное время, въ практическомъ смыслѣ оно равно нулю, а въ баталіонныхъ весьма *незначительно*, особенно въ виду сказаннаго выше.

Что бы ни возражали, но боевой опытъ показываетъ возможность пользоваться сплошнымъ строемъ, и сверхъ того уваживаетъ на такія его преимущества, которыхъ нельзя не предпочесть. Совершенства достигнуть невозможно, а потому слѣдуетъ пользоваться тѣмъ, что хорошо, просто, удобно.

Глава X говоритъ о необходимости приучать солдатъ къ землекопству, но отнюдь не къ возведенію „правильныхъ“ фортификаціонныхъ построекъ; что же касается офицеровъ, то авторъ совѣтуетъ упростить курсъ полевой фортификаціи, дѣйствительно весьма сложный. Намъ кажется, что авторъ зашелъ слишкомъ далеко, и въ то же время сказалъ слишкомъ мало, или лучше: не ясно высказалъ то, что, смѣемъ думать, хотѣлъ сказать. Впрочемъ, кто слѣдилъ за статьями и курсами г. Драгомирова, тотъ ясно и отчетливо знаетъ, что нападки его относятся единственно къ *фортификаціонной схоластикѣ*, весьма недалекой по своему духу и приемамъ отъ блаженныя памяти систематиковъ съ ихъ всевозможными „*mathematische Systemen*“ и т. д.

Въ самомъ дѣлѣ, отроемъ любой курсъ фортификаціи: что найдемъ мы тамъ прежде всего? полнѣйшій разладъ съ

тактикою, т. е. съ наукою, изслѣдующею область того искусства, которому фортификація служитъ вспомогательнымъ средствомъ. Рѣзче всего бросается въ глаза то обстоятельство, что фортификація до сихъ еще поръ, за малыми исключеніями, дѣлится на *чистую* и *прикладную*; одна разсуждаетъ объ устройствѣ укрѣпленій на мѣстности горизонтальной, другая говоритъ о примѣненіи въ мѣстности вообще и часто показываетъ, что бездна подробностей, изложенныхъ въ первой части, въ сущности ни къ чему не ведетъ.

Дѣленіе это, въ прежнее время существовавшее и въ курсахъ тактики, нынѣ, по крайней мѣрѣ *у насъ*, оставлено, какъ дающее поводъ ко всевозможнымъ увлеченіямъ и заблужденіямъ. Мы не видимъ не только уважительныхъ, но просто даже никакихъ причинъ на сохраненіе его въ фортификаціи, по крайней мѣрѣ полевой.

Слѣдовало бы также отбросить всѣ комбинаціи въ начертаніи укрѣпленій, представляющіяся не чѣмъ инымъ, какъ фортификаціонными нормальными боевыми порядками: ихъ изучаютъ для того только, чтобы никогда имъ не слѣдовать, что ясно изъ второй части предмета. Фигура укрѣпленія зависитъ отъ взаимодѣйствія столькихъ же факторовъ, какъ и расположеніе войскъ, а потому ничего заранѣе придуманнаго, *нормальнаго* здѣсь быть точно также не можетъ и не должно.

Въ основахъ фортификаціи, конечно, много чисто-геометрическаго, но въ то же время производъ геометріи стѣсняется свойствами оружія воюющихъ сторонъ, мѣстностью, цѣлями постройки, временемъ, имѣющимъ на ея возведеніе и т. д. Потому слѣдовало бы изучать родъ и характеръ всѣхъ этихъ вліяній одновременно съ изученіемъ началъ геометрическихъ.

Когда все это имѣлось бы въ виду при изложеніи элементарной фортификаціи, то она, въ сущности, заключала бы въ себѣ лишь нѣсколько простыхъ началъ, рядомъ съ военно-историческимъ обзоромъ полей сраженій и отдѣльныхъ пунктовъ. Напримѣръ, излагались бы *профилированіе*, вліяніе свойства угловъ входящихъ и исходящихъ, необороненныхъ секторовъ, мертвыхъ пространствъ, силы и рода войскъ и т. д. *на сочетаніе линій* и приспособленіе брустверовъ къ оборонѣ и т. п. (*), и *производство работъ*.

(*) Военныя сообщенія и *дополнительныя* постройки временныхъ укрѣпле-

Такой курсъ былъ бы совершенно достаточенъ, изучался бы легко и, главное, приучалъ бы офицера свободно смотрѣть на формы, слѣдовательно не затрудняться тѣми мелочами, которыя одни до сихъ поръ составляютъ единственную причину того, что большинство нашихъ офицеровъ рѣшительно становится втупикъ какъ только на мѣстности приходится пользоваться тѣмъ, что усвоено на школьной скамьѣ.

Связь съ тактикой была бы полная...

Не одни мы не-специалисты находимъ, что въ фортификаціи еще много рутиннаго, но и лучшіе изъ инженеровъ: въ этомъ смыслѣ укажемъ хоть на австрійскаго инженеръ-полковника Шолля и его статью „Aphorismen über Befestigungskunst. Ihr Verhältniss zur Baukunst und Ideen zu einem Lehrbuch der Befestigungskunst“. (Афоризмы о фортификаціи; ея отношенія къ строительному искусству и планъ учебника фортификаціи), помѣщенную въ Mittheilungen über Gegenst. d. Ingenieur u. Kriegs-Wissensch. 1866 года.

Мы кончили наши замѣтки. Но изложенное въ статьяхъ г. Драгомирова на столько важно, на столько притягиваетъ къ себѣ вниманіе читателя, что насъ невольно тянетъ оглянуться еще разъ, сдѣлать послѣдній выводъ, представить послѣдній аргументъ достоинства предлагаемаго авторомъ метода воспитанія и образованія войскъ.

Когда-то педагоги-схоластики сложили укоренившееся потомъ вѣками правило: „repetitio est mater studiorum“... Можетъ быть, въ блаженные старые годы, когда наука наводнялась посторонними, неидущими къ дѣлу предметами, понять и усвоить которые не было никакой возможности, не пустивъ въ ходъ памяти, такой приемъ и былъ дѣйствительно сообразнымъ; но въ наше время все стремится къ тому, чтобы разъ усвоенное не требовало уже безконечныхъ повтореній. А это

нѣ составляютъ почву наносную. Первая—особая наука, вторая—удобнѣе разсматривать въ фортификаціи долговременной.

Прим. автора.

Повидимому, авторъ упускаетъ изъ вида, что „полевая фортификація“ есть, по преимуществу, науки для саперныхъ войскъ, для которыхъ, безъ сомнѣнія, подобныя „наосныя свѣдѣнія“ имѣютъ значительную важность. Въдѣ и долговременная фортификація во многомъ сохраняетъ тѣсную связь съ полевой фортификаціей; стоитъ только вспомнить детали въ атакахъ и оборонѣ крѣпостей. Что же касается до фортификаціонныхъ свѣдѣній, необходимыхъ прочимъ войскамъ—то это другой вопросъ.

Ред.

возможно только *тогда* и въ *землѣ*, гдѣ вѣтъ никакихъ основанныхъ на памяти (мнемоническихъ) правилъ и споровокъ. Кто близко знаетъ нашего солдата, тотъ конечно согласится, что онъ больше всего не любитъ „репетить зады“ (но не стрѣльбу, не вольное фехтованіе, не гимнастику на машинахъ).

Повтореніе изъ года въ годъ и съ утомительнымъ образомъ *одиночки*, *шереножного*, *азбуки* ротного и батальоннаго ученій до того надѣдаетъ солдату, что онъ становится равнодушнымъ, малозимательнымъ.... Думаемъ, что при тѣхъ началахъ воспитанія и образованія войскъ, которые проводятся г. Драгомировымъ, будетъ возможно устранить эти капитальные недостатки—*монотонность* и *повтореніе азбуки*—а вмѣстѣ съ тѣмъ вселить въ солдата интересъ и любовь къ своему дѣлу, какъ залогъ истиннаго, живаго его знанія и пониманія, т. е. успѣха въ то *роковое время*, къ которому каждый изъ насъ готовится съ перваго своего шага на службу.

И. Шелецкой.

1868 г. февраль.